

Цвет Семен Николаевич

Прогресс и бедность

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С30

С30 **Семен Николаевич Ц.**
Прогресс и бедность / Цвет Семен Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 119 с.
ISBN 978-5-521-29459-6

ISBN 978-5-521-29459-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Немного сочиненій можно указать въ современной ученой литературѣ, которыя-бы такъ быстро приобрѣли большую популярность, какъ книга Генри Джорджа: «*Прогрессъ и бѣдность*» (Progress and Poverty, an inquiry into the cause of industrial depressions and of increase of want with increase of wealth. The Remedy). Встрѣченный хоромъ самыхъ лестныхъ отзывовъ американской прессы, трудъ этотъ былъ принятъ съ большимъ вниманіемъ и въ Европѣ, какъ видно изъ отзывовъ Fortnightly Review, London Economist, Saturday Review, Revue Scientifique, Berliner Börsen-Courier, Mercur, Die Post, Volkszeitung и др.

Генри Джорджъ—не профессоръ, не ученый специалистъ: это настоящій американскій *self-made-man*. Вначалѣ—рабочій, затѣмъ—типографскій наборщикъ, теперь вліятельный журналистъ въ Санъ-Франциско, Генри Джорджъ (отзывъ проф. Клейфъ-Лесли въ Fortnightly Review) обладаетъ замѣчательною начитанностью и искусствомъ изложенія. Многія страницы его книги, полныя смѣлой и оригинальной мысли, дышутъ пламеннымъ краснорѣчіемъ настоящаго народнаго трибуна.

Чтобы познакомить непосредственно съ характеромъ сочиненія, которому, повидимому, предстоитъ немалое вліяніе въ наиболѣе ажитированныхъ слояхъ общества, мы поставимъ читателя прямо съ глазу на глазъ съ самимъ авторомъ, въ дословномъ почти переводѣ замѣчательной во многихъ отно-

шеніяхъ главы: о томъ, какимъ образомъ можетъ обратиться вспять современная цивилизація. Затѣмъ, уже мы перейдемъ къ разбору предлагаемаго имъ средства спасенія и выскажемъ наши собственныя соображенія по этому предмету.

Когда, по мановенію Августа, кирпичный Римъ превращался въ мраморный, среди быстрого возрастанія богатства и пышности; когда побѣдоносные легіоны раздвигали до предѣловъ земли границы имперіи; когда утончались языкъ и нравы, а литература достигала наибольшаго блеска,—кто рѣшился-бы сказать, что Римъ клонится къ паденію?—А между тѣмъ—это было такъ.

И въ наше время, стоитъ взглянуть внимательно вокругъ себя, чтобы убѣдиться, какъ, при всей быстротѣ прогресса нашей цивилизаціи, она подрывается тою-же силою, которая поворотила къ упадку цивилизацію римскаго міра.

Эта сила—причина разрушенія и римской, и предшествовавшихъ ей цивилизацій — заключается въ возрастающей неравномѣрности распредѣленія богатства и власти. Она выступаетъ, съ возрастающимъ значеніемъ, и въ современной цивилизаціи, выказывая свое вліяніе въ каждой развивающейся странѣ тѣмъ ярче, чѣмъ быстрѣе идетъ ея развитіе. Быстро богатѣютъ богатые; безпомощнѣе и безпріютнѣе становится положеніе бѣдняковъ *).

*) Не можемъ не замѣтить здѣсь, что экономисты той школы, къ которой принадлежитъ, между прочими, П. Леруа-Болье, стараются всѣми силами опровергнуть приведенное въ текстѣ утвержденіе Генри Джорджа.

П. Леруа-Болье доходитъ въ этомъ усердіи до явнаго противорѣчія самому себѣ. Такъ, на стр. 264. «*Essai sur la répartition des richesses*», онъ смѣло утверждаетъ: *on voit combien est faux le mot si souvent répété par la haine ou la crédulité que les riches deviennent chaque jour plus riches et les pauvres chaque jour plus pauvres*. Между тѣмъ, непосредственно предъ этою фразой, онъ самъ-же говоритъ, что *le rapprochement des conditions, вслѣдствіе*

Я старался уяснить причины этого явления и средства для устранения ихъ. Здѣсь я хочу указать, какимъ образомъ, если эта цѣль не будетъ достигнута, прогрессъ можетъ превратиться въ упадокъ и современная цивилизація, подобно прежнимъ, смѣнится варварствомъ.

паденія нормы процента на капиталъ, послѣдуетъ только *après une période de transition*, а на стр. 260 прямо утверждаетъ, что *la conséquence immédiate de la baisse du taux de l'intérêt* (что онъ предсказываетъ (стр. 257) въ ближайшіе 50 или 100 лѣтъ)—*c'est d'accroître l'inégalité entre les différentes classes de la société*. Впрочемъ, этимъ противорѣчивымъ утвержденіемъ Леруа-Болье мы можемъ противопоставить, независимо отъ мнѣній первоклассныхъ ученыхъ, авторитетъ такого государственнаго чловѣка, какъ Гладстонъ. Вотъ-что высказалъ онъ въ засѣданіи Парламента 14 февр. 1843 г.

«It is one of the most melancholy features in the social state of the country, that while there was a *decrease in the consuming power of the people*, and *increase in the privations and distress of the labouring class* and operations, there was at the same time a constant accumulation of wealth in the *upper classes* and a constant increase of capital».

Это сужденіе Гладстона отъ сороковыхъ годовъ, мы можемъ освѣжить теперь показаніями Чемберлена (министра торговли) въ декабрьской книжкѣ *Fortnightly Review* 1883 г. Въ послѣднее двадцатилѣтіе, говоритъ Чемберленъ, общій національный доходъ увеличился на 600 мил. въ годъ, но въ то-же время до милліона чловѣкъ содержатся попеченіемъ приходовъ, и милліоны прозябаютъ въ крайней нуждѣ, безъ великихъ пособій. Громадныя богатства—созданіе современнаго прогресса, распредѣлились между имущими; отдѣльныя лица и слои общества становятся богаче и богаче и не знаютъ какими-бы способами расточать средства, которымъ не умѣютъ найти полезнаго употребленія. Между тѣмъ, большинство настоящихъ труженниковъ не получило слѣдующей имъ по всей справедливости доли въ тѣхъ выгодахъ, которыя они помогли создать; населеніе, не меньшее населенія столицы, прозябаетъ въ постоянной нищетѣ. Можно-ли удивляться, что время отъ времени поднимаются голоса недовольства и даже отчаянія? Такъ отвѣчаетъ добросовѣстный Чемберленъ на безсмысленныя и фальшивыя заигрыванія съ социализмомъ даже со стороны г. Сольсбери, извѣстнаго ханжи и лицемера, хорошо знакомаго Россіи по его коварной и канибальской роли въ восточномъ вопросѣ.

Въ послѣднее время и характеръ П. Леруа-Болье ярко освѣтился въ его неудавшихся проискахъ попасть въ орлеанистскіе депутаты цѣною самаго безцеремоннаго отступничества отъ того, что онъ самъ-же недавно проповѣдывалъ, съ тѣмъ-же академическимъ апломбомъ, но въ другихъ видахъ.

Не бесполезно, мнѣ кажется, уяснить, какимъ образомъ можетъ произойти этотъ переворотъ, для многихъ, пока, немислимый. Гиббону, напримѣръ, казалось, что современная цивилизація никогда не можетъ рушиться, такъ какъ нѣтъ болѣе варваровъ, которые могли-бы взять верхъ надъ нею. Также точно обычно представленіе, что изобрѣтеніе книгопечатанія должно устранить навсегда возможность потери пріобрѣтенныхъ человѣчествомъ знаній.

Коренныя условія общественнаго прогресса заключаются, по нашему мнѣнію, въ ассоціаціи и равноправности. Общее стремленіе современной цивилизаціи, съ разсвѣта ее изъ мрака средневѣковаго варварства, было направлено къ установленію политической и гражданской равноправности, къ уничтоженію рабства, крѣпостной зависимости, устраненію наслѣдственныхъ привилегій, замѣнѣ въ правительствѣ произвола народнымъ представительствомъ, къ одинаковому для всѣхъ обезпеченію личности и собственности, свободы труда и передвиженія, слова и печати. Исторія нашей цивилизаціи есть исторія работы во всѣхъ этихъ направленіяхъ, исторія борьбы и успѣховъ въ дѣлѣ личной, политической и религіозной свободы. И всеобщность этого закона явствуетъ изъ того, что успѣхи цивилизаціи шли всегда параллельно оживленію этой борьбы, останавливаясь, замирая вмѣстѣ съ ея стѣсненіемъ или подавленіемъ. Это стремленіе получило свое полное проявленіе въ сѣвероамериканской республикѣ, гдѣ существуетъ полное равенство въ гражданскихъ и политическихъ правахъ; гдѣ порядокъ замѣщенія должностей, связанный съ перемѣнами по общественному избранію, помѣшалъ даже возникновенію бюрократіи; гдѣ существуетъ полная равноправность для всѣхъ вѣрованій; гдѣ каждый мальчикъ можетъ надѣяться быть президентомъ, всякъ имѣетъ одинаковый съ другими голосъ въ общественныхъ дѣлахъ, и каждое должностное лицо, въ теченіи недолгаго срока своей службы,

находится въ посредственной или непосредственной зависимости отъ народнаго избранія. Соединенные Штаты опередили въ этомъ отношеніи всѣ крупныя государства; они двинулись далѣе всѣхъ въ общемъ для всѣхъ движеніи, и потому въ нихъ мы лучше всего можемъ — видѣть что можетъ принести самопо-себѣ это стремленіе къ политической и личной свободѣ.

Первымъ послѣдствіемъ стремленія къ этой свободѣ было болѣе равномерное распредѣленіе богатства и власти, такъ какъ вначалѣ, при относительно маломъ населеніи, неравенство къ распредѣленіи богатствъ обусловливается главнымъ образомъ неравенствомъ личныхъ правъ, и только позже уже, съ развитіемъ матеріальнаго прогресса, выступаетъ ярче вліяніе въ этомъ отношеніи обращенія земли въ частную собственность. Теперь однако-же вполне уяснилось уже, что и безусловная политическая равноправность не въ силахъ парализовать влекущее къ неравенству вліяніе права частной земельной собственности; не менѣе явнымъ сдѣлалось и то, что политическая равноправность, совпадающая съ развитіемъ неравномерности въ распредѣленіи богатствъ, въ концѣ концовъ, ведетъ къ деспотизму организованной тираніи или къ еще худшему деспотизму анархіи.

Чтобы превратить республиканское правительство въ самый низкій и грубый деспотизмъ, нѣтъ вовсе нужды въ формальномъ измѣненіи конституціи или въ отмѣнѣ избирательныхъ правъ. Столѣтія протекли послѣ Цезаря, а абсолютные властители римскаго міра не переставали державствовать именемъ дрожавшаго предъ ними Сената. Очевидно, что форма сама по себѣ ничего не значить, какъ только исчезла самая сущность; а *формы народовластнаго правительства суть именно тѣ, изъ которыхъ легче всего уходитъ духъ свободы.*

Крайности соприкасаются, и правительство всеобщей подачи голосовъ и теоретическаго равенства можетъ, при благоприятныхъ условіяхъ, легче всего превратиться въ деспотизмъ,

присущій ему, и безъ того, во имя и властію народа. Стоитъ только овладѣть исключительнымъ источникомъ власти — и цѣль достигнута. Здѣсь нѣтъ какого-либо несвободнаго класса, который можно-бы привести въ движеніе; здѣсь нѣтъ и привилегированныхъ сословій, готовыхъ отстаиваніемъ собственныхъ правъ защищать права всѣхъ. Здѣсь нѣтъ никакого оплота, который-бы остановилъ напоръ волнъ, никакой высоты, которая-бы надъ ними возвышала. Вооруженные бароны, предводимые оскорбленнымъ прелатомъ, наложили на Плантaгенета узду Magna Charta; гордыню Стюартовъ сломила сила средняго сословія: одна денежная аристократія никогда не пойдетъ на борьбу, пока она можетъ надѣяться подкупить тирана. Съ развитіемъ имущественнаго неравенства, политическая равноправность сама болѣе и болѣе облегчаетъ захватъ власти въ однѣ руки, такъ какъ она передаетъ значительную долю политическаго вліянія въ руки людей, не имѣющихъ никакого прямого интереса въ ходѣ управленія. Испытуемые нуждою, низводимые нищетою до полуживотнаго состоянія, эти представители державнаго народа готовы всегда продать свои голоса тому—кто дороже заплатитъ, готовы подчиниться руководительству наиболѣе наглаго демагогическаго крикуна, готовы въ своемъ озлобленіи смотрѣть злорадственно на дѣйствія самой гнусной тираніи, подобно тому какъ рабы и пролетаріи Рима смотрѣли на неистовства Калигулы, Нерона, противу богатыхъ патриціевъ. Какой смыслъ могутъ имѣть республиканскія учрежденія въ государствѣ, въ которомъ богатства одного класса ставятъ его благосостояніе въ независимость отъ хода управленія дѣлами общественными, между тѣмъ, какъ бѣдность другого класса такъ велика, что нѣсколько лишнихъ долларовъ имѣютъ болѣе значенія предъ избирательною урною, чѣмъ всякія принципиальныя соображенія? Въ государствѣ, въ которомъ немногіе плаваютъ въ роскоши, между тѣмъ какъ большинство находится въ

озлобленномъ недовольствѣ положеніемъ, изъ котораго не видятъ выхода,—въ такомъ государствѣ власть должна попасть въ руки проходимцевъ, торгующихъ ею, какъ преторьянцы торговали римскимъ пурпуромъ, или въ руки демагоговъ, эксплуатирующихъ ее, пока она не перейдетъ въ еще худшія руки. Тамъ гдѣ существуетъ приблизительно равномерное распределение богатствъ,—т. е. тамъ гдѣ господствуютъ общая любовь къ родинѣ, образованіе и добрые нравы *),—тамъ правительство, чѣмъ демократичнѣе, тѣмъ лучше, и наоборотъ оно тѣмъ хуже, чѣмъ демократичнѣе, тамъ—гдѣ распределение богатствъ весьма неравномѣрно; и хотя извращенная демократія сама по себѣ ничѣмъ не хуже извращенной автократіи, тѣмъ не менѣе вліяніе первой на національный характеръ будетъ всегда гораздо гибельнѣе. Дать право голоса бродягамъ, нищимъ, людямъ принужденнымъ просить милостыни, или воровать—чтобы не умереть съ голода за неимѣніемъ работы—дать право голоса такимъ людямъ—значить ни болѣе, ни менѣе, какъ вызывать сознательно разрушеніе всякаго порядка. Отдать политическую власть въ руки голодной, озлобленной и униженной нищетою черни—значить, возложить руки лишеннаго зрѣнія Самсона на самые устои зданія національной жизни.

Случайности престолонаслѣдія или избранія по жребію могутъ еще иногда вручить власть мудрѣйшему и справедливейшему, но въ извращенной демократіи—она стремится перейти всегда въ самыя худшія руки. За самой крайнею недобросовѣстностію здѣсь обезпеченъ успѣхъ и торжество надъ честностію и любовію къ родинѣ. Лучшие должны уступать мѣсто худшимъ; послѣдніе достигаютъ высшихъ положеній въ обществѣ; безчестные и пошлые вытѣсняются еще болѣе безчестными и пошлѣйшими.

Національный характеръ мало-по-малу усвоиваетъ себѣ

*) Читатель замѣтитъ, какой смѣлый скачокъ дѣлаетъ нашъ авторъ въ этомъ „то-есть“.

качества, приносящія въ такомъ порядкѣ уваженіе и власть, а съ тѣмъ вмѣстѣ растетъ та деморализація, общественнаго мнѣнія, силою которой совершается въ великой панорамѣ исторіи превращеніе свободныхъ людей въ рабовъ.

Подобно тому какъ было въ Англіи, въ прошломъ столѣтіи, когда парламентъ представлялъ закрытую дворянскую корпорацію, — обособленная отъ народной массы олигархія можетъ существовать безъ большого вреда для національнаго характера, такъ какъ въ этомъ случаѣ власть, въ глазахъ народа соединена, кромѣ богатства, и съ другими качествами. Но тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ наслѣдственныхъ достоинствъ, гдѣ ежедневно у всѣхъ на виду примѣры достиженія богатства и власти посредствомъ недобросовѣстности и однородныхъ съ нею качествъ, — тамъ терпимость къ этимъ качествамъ переходитъ въ концѣ концовъ въ преклоненіе предъ ними. Извращенное демократическое правительство должно, въ концѣ концовъ, вести къ развращенію самый народъ, — тамъ-же гдѣ народъ развращенъ — нечего и думать о его воскрешеніи. Жизнь ушла; остается одинъ трупъ, ожидающій своей очереди быть убраннымъ съ глазъ и погребеннымъ. И это превращеніе демократическаго управленія въ деспотизмъ самаго низкаго и подлаго свойства, какъ послѣдствіе крайней неравномѣрности въ распредѣленіи богатствъ, — дѣло во все не отдаленнаго будущаго. Оно началось уже въ Соединенныхъ Штатахъ, и на нашихъ глазахъ подвигается впередъ гигантскими шагами.

Постоянное ухудшеніе въ личномъ составѣ нашего законодательнаго корпуса; вынужденное отстраненіе отъ политики людей высшихъ способностей и благороднѣйшаго характера; большій и большій перевѣсъ искусства въ избирательной агитаціи надъ заслуженной репутаціею государственнаго дѣятеля; большая и большая небрежность въ голосованіи и параллельное съ нимъ возрастаніе силы золота; большая и большая

трудность убѣдить народъ въ необходимости преобразованій и провести эти преобразованія; образованіе политическихъ партій независимо отъ разности въ принципахъ, и упадокъ значенія общихъ отвлеченныхъ началъ,—все это несомнѣнные признаки нашего политическаго упадка.

Типическая форма современнаго развитія—городъ. Здѣсь встрѣчаются другъ съ другомъ величайшее богатство и крайняя нищета. Здѣсь-же замѣтнѣе всего и всѣ пороки демократическаго строя. Во всѣхъ большихъ американскихъ городахъ существуетъ въ настоящее время рѣзко выдѣляющійся господствующій классъ, какъ въ самыхъ аристократическихъ странахъ міра. Члены его распоряжаются голосами цѣлыхъ частей города, командуютъ на избирательныхъ сходкахъ, распредѣляютъ должности какъ-бы свое частное дѣло, и не занимаясь никакимъ производительнымъ трудомъ—живутъ лучше другихъ и бросаютъ щедрою рукою деньги направо и налево. Это люди въ силѣ, у которыхъ принуждены заискивать честолюбцы, мести которыхъ они должны избѣгать. А кто эти люди? Мудрые-ли, добрые, просвѣщенные, люди снискавшіе довѣріе согражданъ чистотою жизни, блескомъ талантовъ, добросовѣстнымъ исполненіемъ общественныхъ обязанностей, глубокимъ изученіемъ политическихъ вопросовъ? — Ничуть не бывало; это игроки, содержатели игорныхъ домовъ, увеселительныхъ заведеній, если не хуже того; профессія ихъ—пріобрѣтать голоса избирателей, покупать и продавать должности и дѣйствія должностныхъ лицъ. Они находятся въ такомъ-же положеніи относительно управленія этихъ городовъ, въ какомъ находились римскіе преторьянцы временъ упадка. Кого прельщаетъ пурпуръ, кого манитъ курульское кресло или почетная стража ликторовъ, тотъ долженъ идти къ нимъ на поклонъ, давать имъ подарки и обѣщанія. Посредствомъ этихъ людей, богатыхъ корпораціи и денежныя тузы наполняютъ своими креатурами сенатъ и судебныя мѣста. Черезъ этихъ людей дѣла-

ются директорами училищъ, членами городскихъ думъ, финансовыми чиновниками, членами легислатуры и конгресса. Не мало въ Соединенныхъ Штатахъ избирательныхъ округовъ, въ которыхъ Вашингтону, Франклину, Джеферсону, также трудно было-бы попасть въ члены палаты, какъ простолюдину, при французскомъ ancien régime, сдѣлаться маршаломъ Франціи. Непреодолимой преградой къ тому были-бы именно ихъ личныя достоинства. Въ теоріи — мы истые демократы: предложеніе учредить въ храмѣ бойню свиней едва-ли бы возбудило въ древнемъ Іерусалимѣ большее негодованіе, чѣмъ произвело-бы среди насъ предложеніе возвести кого-либо изъ выдающихся гражданъ въ какое-либо почетное званіе. Но не вырастаетъ-ли среди насъ цѣлый классъ, пользующійся всею властью аристократіи, не имѣя ни одного изъ ея достоинствъ? У насъ не мало простыхъ гражданъ, владѣющихъ тысячами миль желѣзныхъ дорогъ, милліонами десятинъ земли, распоряжающихся средствами жизни легіоновъ людей, назначающихъ губернаторовъ штатовъ, точно также, какъ они назначаютъ своихъ прикащиковъ, избирающихъ сенаторовъ — какъ собственныхъ управителей, — которыхъ воля въ законодательныхъ собраніяхъ имѣетъ такую-же силу, какъ нѣкогда воля французскаго короля въ его *lit de justice*. Скрытыя для поверхностнаго взора теченія какъ будто снова возвращаютъ насъ къ порядкамъ, изъ которыхъ мы считали себя навсегда ушедшими. Развитие ремесленнаго и торговаго класса разрушило мало-по-малу феодализмъ, вошедшій было до того въ плоть и кровь европейскаго человѣка, что и самое небо представлялось ему не иначе какъ въ формахъ феодальнаго порядка. Тѣперь-же, среди соціальной организаціи, основанной на началѣ частной земельной собственности, развитіе индустріи и биржевыхъ оборотовъ грозитъ поставить каждаго работника въ необходимость искать себѣ господина, подобно тому какъ послѣдовавшее за паденіемъ Римской имперіи нестрое-